
ОДИНЦОВА
ВЛАДА
В плену
КАВКАЗСКОГО
ОТШЕЛЬНИКА
18+

Влада Одинцова

В плену кавказского отшельника

«Автор»
2026

Одинцова В.

В плену кавказского отшельника / В. Одинцова — «Автор», 2026

- Ты кто такая? - огромная рука сжимается на моей шее, перекрывая кислород. - Кто прислал тебя?- Я - хриплю. - Я отпусти.- Ты не туристка. Ты не заблудилась. Ты ехала сюда целенаправленно. Если ты сейчас же не скажешь, кто такая, я сверну тебе шею.- Я хирург, на столе которой умер один из их банды. Они ищут меня, чтобы отомстить за него.Сбегая от чудовищ, я оказалась в хижине отшельника высоко в горах.И теперь мне предстояло выбрать меньшее из зол. Вернуться домой и принять незаслуженное наказание или стать пленницей отшельника и попросить у него помощи. Только тогда я еще не знала, что мой спаситель может оказаться еще более страшным монстром чем те, кто меня преследуют.

© Одинцова В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 11
Глава 5 13
Глава 6 16
Глава 7 19
Глава 8 21
Глава 9 24
Глава 10 26
Глава 11 28
Глава 12 31
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Влада Одинцова
В плену кавказского отшельника

Глава 1

- Время смерти: десять часов восемнадцать минут, - произношу устало, и киваю ассистентам, чтобы зашивали пациента.

Тяжело вздохнув, покидаю операционную.

Хочется крушить все вокруг.

Я пыталась. Сделала все, что от меня зависело, и даже больше.

И ведь понимаю головой, что огнестрельные ранения чаще всего история непредсказуемая. Мы не знаем, начнется ли кровотечение, и сможем ли мы его остановить. Особенно когда дело касается жизненно важных органов.

И ведь перед этой операцией я уже предполагала, что мы не спасем этого мужчину.

А все равно внутри все переворачивается от мысли, что на моем персональном кладбище появилась еще одна могила.

- Диляра Исмаиловна, - медсестра выходит в предоперационную и смотрит, как я тщательно промываю руки. - Диляра Исмаиловна, это не ваша вина.

- Я знаю, Ольга, - произношу сухо. Ни на какие эмоции я сейчас не способна.

И вообще меня раздражает это сочувствие. Все, кто давно со мной работают, знают, что первые пару часов после смерти пациента со мной это лучше не обсуждать. Как минимум, потому, что это пробуждает эмпатию, которая в нашем деле скорее губительна.

- Я просто…

- По делу что-то хотите сказать? - перебиваю ее. - Или вы только посочувствовать?

- Я помогу закончить в операционной, - проговаривает она скороговоркой и убегает в операционную.

Закончив приводить себя в порядок, выхожу из операционного блока и иду сразу в свой кабинет. Распахиваю дверь и застываю на пороге. На моем кресле крутится из стороны в сторону какой-то мужик криминального вида. Вероятнее всего, дружок того, кто только что умер в операционной.

- Встаньте из-за моего стола и не смейте заходить без моего разрешения, - произношу строго и распахиваю дверь шире. Отхожу в сторону, ясно давая ему понять, чтобы выметался.

Он перестает кататься и окидывает меня каким-то слишком внимательным взглядом.

- Так это вы Диляра Ахмедова?

- Я предпочитаю Диляра Исмаиловна, - отрезаю сухо. - Встаньте с моего кресла.

- Какая строгая, - усмехается мужик, но все же поднимается.

Ненавижу таких типов. Они считают себя выше всех людей. Как будто даже выше Всевышнего. Слишком уверены в собственной безнаказанности и собственном превосходстве. А на деле ничего из себя не представляют.

- А я ведь пришел сказать, что если вы спасете моего друга, я вас озолочу.

- Ваш друг - это тот, кто поступил с пулевыми ранениями?

- Он самый, - ухмыляется мужик. Да так ухмыляется, что противно становится.

- Ваш друг только что умер на операционном столе. Мне очень жаль.

Ухмылка мгновенно слетает с его лица. Мужика перекашивает, и от этого выражения его лица становится жутковато.

Он за секунду преодолевает расстояние между нами. Хватает меня за локоть и дергает на себя. Захлопывает дверь в кабинет и впечатывает меня в нее спиной так, что вышибает дух.

- В смысле - умер? - цедит мужик, сближая наши лица.

Я кривлюсь, до того он неприятный. Лицо в рытвинах постакне, глазки маленькие, но они видели смерть, и это можно рассмотреть невооруженным глазом.

- Его привезли после огромной кровопотери. Раны не были зажаты, и он просто истекал кровью. Давно, - бросаю, как упрек. Мне сказали, что пациента привезли на джипе, а не в карете скорой. - Он просто не пережил операции. Мы не успели оказать ему помощь. В больницу его доставили в критическом состоянии.

- Я тебе сейчас устрою критическое состояние! - рявкает мужик так, что я вздрагиваю.

- Не смейте со мной так разговаривать! - отвечаю ему на повышенных тонах, а у самой поджилки трясутся.

- Ты что, девка, думаешь, тебе сойдет смерть моего друга? Да ты знаешь, кто я такой?! Идрис Балоев! Говорит тебе о чем-то это имя?

К сожалению, говорит…

Чудовище, о “подвигах” которого знает весь Кавказ.

Безжалостный монстр, для которого не существует ни людских законов, ни законов веры. Человеческая жизнь для него не ценность, а разменная монета. И он эту монету отбирает у всех, на кого упадет его взгляд.

Неужели и мои дни сочтены из-за того, что его друг умер на моем операционном столе?

- Я не виновата в его смерти!

- Ты хирург! Ты его резала! Значит, сделала что-то не так, раз он умер!

- Он уже почти умер, когда лег под мой нож! Я не могла его спасти, шансов было слишком мало.

- Твои шансы тоже невелики. Жить хочешь, Диляра?

- Исмаиловна, - цежу.

- Ага, Исмаиловна.

- Вы собираетесь убить меня за то, что вашего друга кто-то изрешетил?

- А знаешь что, Исмаиловна, поставим на кон жизни всей операционной бригады. Или команды. Или как вы там называетесь. Короче, их жизни - и твоя, конечно, - против жизни моего друга.

- Знаете, что? - прошипела, снова заводясь. - Уходите отсюда немедленно. Иначе я позову охрану. И позвоню в полицию. А, полиция уже наверняка едет, их точно вызвал кто-то из персонала в связи со смертью пациента.

- Полицию? Охрану? - агрессивно усмехается Балоев. - Девочка, ты, кажется, не поняла, кто стоит перед тобой. Не буду я вас всех убивать. Я тебя заберу. - Он окидывает меня плотоядным взглядом, от которого сжимаются внутренности. Стоит мне только представить, с какой целью этот урод может забрать меня, сразу возникает желание, чтобы он воплотил в жизнь свою первую угрозу. - Будешь расплачиваться за смерть моего друга способом, который я сам выберу.

Глава 2

Балоев открывает рот, чтобы еще что-то сказать, но тут его телефон звонит, спасая меня от продолжения этого разговора.

- Да? - рявкает бандит в трубку.

Пока он слушает, что говорят на той стороне, до меня наконец доходит, кто передо мной.

Он не остановится. Не пощадит.

Это чудовище превратит мою жизнь в ад.

Я не буду работать. Не буду спасать жизни.

Такие, как этот урод, превращают женщин в пустую оболочку. В безвольных рабынь. А потом, когда наиграются, убивают или выпускают на волю. Только на свободе такие женщины в итоге, в лучшем случае, попадают на операционный стол, пытаясь восстановить истерзанное тело. А в худшем…

Не хочу даже думать о последствиях.

Сейчас единственное, о чем нужно думать, - так это о собственном спасении.

Защитить меня некому. Нет у меня никого. Была мама, но она умерла три года назад. Отца я почти не помню, его Всевышний забрал, когда я была маленькая. Вот и вся семья, которая была у меня.

На личную жизнь времени нет. Случаются какие-то встречи с мужчинами. Даже попытки наладить серьезные отношения. Но это нереально при моем графике работы. Рано или поздно мужчины сдаются.

Я была замужем, но наш брак развалился, не выдержав давления со стороны моей работы. Я даже ребенка родить не успела.

В общем, спасать меня некому, кроме меня самой.

- Уже еду, - бросает Балоев и отходит от меня на шаг. Окидывает взглядом, а я непроизвольно сжимаю перед собой руки. - Собирайся, тебя отвезут по адресу.

- Я никуда не поеду!

- Поедешь, - хмыкает он. - Раз ты еще не поняла, с кем связалась… - Он резко вскидывает руку и так жестко бьет меня наотмашь, что меня швыряет в сторону. Я в ужасе смотрю на мужчину, не веря, что он сделал это. - Теперь внимай, - шипит. - С этого момента ты моя игрушка. И если я сказал ехать, ты едешь. Скажу подпрыгнуть - ты можешь только уточнить, насколько высоко.

- Хорошо, - выдаю, чтобы усыпить его бдительность. - Только дайте хоть документы подпишу по поводу смерти вашего друга. И сразу соберусь.

- Я спешу. Мои бойцы будут ждать тебя под кабинетом.

- Мне надо спуститься в морг. Там все документы. Прошу вас. Не хочу накликать беду на больницу.

- У тебя пятнадцать минут. Бегом, Диляра. Если мне придется самому ехать за тобой, твоя очень короткая жизнь станет очень мучительной.

С этими словами от отталкивает меня от двери и выходит. А я влетаю в стоящую рядом вешалку.

Щека горит так сильно, что хочется приложить лед. Но сейчас не до этого.

В эту секунду мне надо быстро решить, что делать дальше. Понятное дело, я лишь отсрочила свою казнь. Но это время стоит потратить на то, чтобы найти выход из сложившейся ситуации.

Почему я сказала про морг вообще? Откуда это всплыло в моей голове?

Внезапно мысли проясняются, и я хватаю свой телефон. Засовываю его в историю болезни кого-то из пациентов и вылетаю в коридор. Два громилы торчат под моим кабинетом, а пациенты и медперсонал косятся на них, обходя стороной.

- Я договорилась с вашим… с Балоевым, что спущусь в морг и вернусь.

- Мы с вами, - громыхает один.

- Вас туда не пустят.

- Нас везде пустят.

- Да пусть сходит, - встревает второй. - Куда она денется? А денется, найдем и накажем, - усмехается.

Сглотнув, разворачиваюсь и тороплюсь к лифту.

В морге работает патологоанатом Зубаир Батманов. Он мой должник. В прошлом году я спасла жизнь его дочери, когда остальные врачи уже махнули на девочку рукой.

Я пока не понимаю, чем Зубаир мне поможет, но готова лечь в холодильник и провести там пару часов, пока оно само тут как-то не решится.

Доктор Батманов сидит за компьютером и щелкает по клавишам, периодически прерываясь, чтобы сделать глоток кофе. На его столе накрытое простыней тело.

- Зубаир, - произношу дрожащим голосом, и он оборачивается, чтобы посмотреть на меня.

- О, Диляра, у меня тут интереснейший случай, - он встает и уже протягивает руку, чтобы снять с тела покров, но я хватаю его за эту руку.

- Зубаир, спаси меня. Помоги.

Я коротко объясняю ему, что случилось, а он с каждым словом все сильнее хмурится. Слушает, не перебивая, а потом кивает. Берет свой телефон и куда-то звонит.

- Даир, возьми мою старую машину и отвези на выезд из города. В северную часть. Подожди там. Приедет скорая. Отдашь женщине ключ от машины, сам сядешь в скорую, мои парни закинут тебя домой. Давай. Сейчас, брат. - Он заканчивает звонок. - Слушай внимательно. Сейчас парни вывезут тебя как мертвое тело якобы в городской морг, поняла? Телефон оставляешь тут. Тебя вывезут за пределы города. Садишься в машину, которую отдаст тебе мой брат, и едешь в горы. Забирайся так высоко, как сможешь. Никаких городов, аулов, поселений, одиноких домов. В горы, Диляра. Когда уедешь достаточно далеко от цивилизации, ищи место, чтобы пересидеть какой-то период.

- А как я узнаю, когда можно вернуться?

- Пока не знаю. Но телефон оставляй, а сама поезжай прямо сейчас.

- Эй, слышишь? - раздается из коридора голос, который я тут же узнаю. Один из громил Балоева. Волосы на голове встают дыбом. - Ты! Где тут врачиха? Как ее? Ахмедова.

Дальше мы не слушаем. Зубаир хватает меня за руку и тащит в соседнюю комнату. По дороге я успеваю бросить свой телефон на его стол, как через секунду оказываюсь на каталке, на которой расстелен новый мешок. Зубаир быстро застегивает мешок и смотрит на меня, я киваю, а он дотягивает собачку молнии до конца, оставляя меня в темноте.

Сжимаю челюсти, когда слышу от входа рык одного из верзил Балоева:

- Где она? Что у тебя в мешке?!

Глава 3

- Вам сюда нельзя! - слышу голос доктора Батманова. - Выйдите!

- Что в мешке, спрашиваю?!

- Труп! Тело, - спокойнее добавляет Зубаир. - Порезанное на куски и сшитое. Показать?

- Нет. Баба тут была. Докторица. Где она?

- Ахмедова? Диляра Исмаиловна?

- Ага.

- Так ушла минуты две назад. Вы разминулись, что ли? Она, наверное, по лестнице пошла. А вы лифтом спускались?

- Шайтан, - шипит один. - Бегом за ней!

Я слышу удаляющиеся шаги и пытаюсь не умереть от разрыва сердца.

Моя каталка начинает двигаться.

- Багир! Омар! - кричит Зубаир. - Быстро сюда! Хватаете каталку, грузите в машину и везете на север на выезд из города. С мигалками и сиренами. Быстро, как только можете. Там на обочине вас будет ждать машина. Старый седан бордового цвета. Выпускаете женщину, забираете моего брата, отвезете его по адресу, который он назовет.

- Какую женщину?

Внезапно молния на мешке вжикает, и надо мной нависают три человека.

- О, Диляра Исмаиловна, - произносит один из санитаров. - А вы чего тут?

Молния снова вжикает.

- Быстро, - выдает Зубаир, и каталка снова начинает двигаться.

- Диляра, я найду способ как тебе сообщить, - говорит коллега. - Прячься подальше. Помни, что я сказал, куда ехать. Бак в машине полный. Документы на нее в бардачке. Все поняла?

- Спасибо, Зубаир.

- Пусть тебя Всевышний ведет.

Грохот, звук мотора. Каталку поднимают, загружают в машину, и мы едем. Молнию расстегивают, давая доступ кислорода. Передо мной Багир. Он помогает мне выбраться из мешка и сесть на каталке.

Сердце до сих пор отбивает рваный, тяжелый ритм, отдаваясь эхом в горле.

Багир открывает рот, но я взмахиваю рукой.

- Не задавай вопросов, если хочешь жить. И забудьте с Омаром все, что вы здесь видели.

- Может, я могу помочь?

- Нет, но спасибо. Единственное, чем вы можете помочь, - это выполнить приказ Зубаира.

Меня привозят на окраину города. Высаживают. Там я забираю ключ от машины у молодого мужчины.

- В багажнике упаковка с водой и пара яблок. Я закинул на всякий случай.

- Спасибо, - киваю мужчине и сажусь за руль.

Выезжаю на трассу и начинаю выжимать из старенького седана все, на что он способен.

Проехав пару сотен километров, останавливаюсь, чтобы достать воду и яблоки, после чего продолжаю путь.

Концентрация адреналина в крови начинает понемногу снижаться, и я знаю, что скоро наступит откат. Меня начнет знобить, а после я буду жутко хотеть спать. Усталость непременно навалится.

Но надо держаться. Надо продержаться так долго, как только смогу. Как-то же я выдерживаю пятнадцатичасовые операции после суток дежурства. И тут выдержу.

Как же меня Всевышний уберег от этого чудовища!

После операции я была не совсем в здравом рассудке, поэтому еще и накричала на страшного человека. Только сейчас начинаю осознавать, насколько сильно рисковала.

А если бы у него планка упала, он достал бы пистолет и пристрелил меня прямо на месте?

Или изнасиловал бы.

Или переломал пальцы? Я бы не смогла оперировать. И вся моя карьера была бы поставлена под угрозу.

Я только надеюсь, что своим исчезновением не поставлю под угрозу своих коллег. Что в погоне за местью Балоев не решит расправиться со всей хирургической бригадой, которая боролась за жизнь его друга, но проиграла.

Ночь я еду практически наощупь. Одна фара в машине не работает, а в горах темно, хоть глаз выколи.

Следующим утром начинается гроза.

Дождь так сильно заливает лобовое стекло, что я практически ничего не вижу. У меня и так зрение затуманено отсутствием отдыха, а тут еще это.

Я периодически тру глаза. Веки пекут, и все чаще случаются моменты, когда я понимаю, что не помню какой-то отрезок дороги.

Это мозг уже сам отключается, не дождавшись, когда я дам ему отдохнуть.

Надо бы где-то остановиться и дать себе хотя бы час на перезагрузку.

Но животный страх гонит меня все дальше и дальше от цивилизации.

Последний населенный пункт я видела пару часов назад. Теперь же я на горном серпантине, на котором даже обочины нет, где я могла бы остановиться. Если рискну, то есть шанс, что какая-то машина выскочит из-за поворота и столкнет меня с каменистого обрыва.

Радио тут уже не ловит, только шум. Поэтому, чтобы не уснуть, я начинаю громко петь песни. Приоткрываю окно, чтобы хлещущий по машине дождь периодически залетал в салон и был дополнительным фактором, чтобы я не уснула.

Мне холодно, но если закрою окно, то согреюсь и разомлею, а мне сейчас нельзя.

Опять пробел в памяти. Не помню куска дороги.

Начинаю взглядом выискивать место, где я могла бы остановиться. Хотя бы на полчаса для скоростного сна, которому научилась еще на своей первой практике в больнице.

Внезапно машину заносит, и я, запаниковав, кручу рулем, чтобы выровняться, но делаю все только еще хуже. Автомобиль идет юзом, и я понимаю, что лечу в сторону пропасти.

Недолго думая, распахиваю свою дверь и, едва успев отстегнуть ремень безопасности, выпрыгиваю на улицу.

К сожалению, это не спасает меня. Машина со скрежетом валится с обрыва, а следом за ней лечу я.

К счастью, попадаю не на каменный обрыв, но лечу кубарем вниз между деревьев. Пытаюсь сгруппироваться, но это бесполезно, потому что я качусь вниз на бешеной скорости.

Не успеваю даже толком понять, что происходит, как влетаю в дерево, отталкиваюсь от него и падаю вниз, ударяясь головой о камень. Последнее, что я помню, - особенно громкий и устрашающий раскат грома, после которого наступает темнота.

Глава 4

Я слышу шум горной реки и раскаты грома где-то вдалеке.

Кривлюсь, чувствуя, как капли дождя попадают на лицо.

Голова раскалывается. Такое ощущение, будто ее сжали тисками, которые периодически резко сдавливают, а потом отпускают, и резкая боль сменяется пульсацией.

Веки стали настолько тяжелыми, что поднять их практически невозможно.

Внезапно над головой раздается настолько резкий и громкий раскат грома, что я вскрикиваю и резко распахиваю глаза. Они так сильно болят, что я снова закрываю их.

А потом вдруг до меня доходит, что я не лежу на мокром камне, как это было до того, как я отключилась. Меня окутывает чем-то, и я… двигаюсь. Как будто… будто меня несут на руках.

Распахиваю глаза и с ужасом смотрю на того, кто схватил меня на руки и спокойно несет.

Мужик. Огромный. Не просто большой, а такой… из категории гигантов. Не знаю, какой у него рост, но остальные габариты… Короче, он как две или даже три меня. А то и больше.

Одна его огромная ручища лежит на моем плече, вторая удерживает ноги. Ладони настолько большие, что я утопаю в них.

С этого ракурса я не могу рассмотреть его лицо. Только массивную челюсть, покрытую густой черной растительностью. Хотя она может быть светлее, но в свете сумерек кажется черной, как ночь.

Я пытаюсь сообразить, что делать дальше. Как сбежать. Вырваться из этих незнакомых лап. Но голова так сильно болит, что думать не получается. В мыслях только туман.

В этот момент прямо над нами гремит очередной раскат, и я опять непроизвольно вскрикиваю и дергаюсь.

- Свалишься, - невозмутимо произносит мужик, даже не глянув на меня.

Он продолжает довольно быстро двигаться, и тут я улавливаю еще один звук. То ли хрип, то ли тяжелое дыхание. Поворачиваю голову и в ужасе смотрю, как между кустами скрывается черное животное устрашающего вида. Волк? Собака? Для меня что одно, что другое ужас, потому что я боюсь собак, не говоря уже о диких животных.

- От… отпустите меня, - прошу мужчину.

- Если я тебя отпущу, ты и шагу не пройдешь. У тебя голова разбита. Скорее всего, еще и сотрясение.

- Я… пожалуйста, отпустите. Я просто… ну… пойду.

- Куда ты пойдешь? К машине, от которой остались только железки? Завтра надо будет оттащить подальше и спрятать, чтобы не привлекать лишнее внимание.

Голос у него…

Низкий, глубокий, с рокочущими нотками.

Пугающий. Он говорит слишком спокойно как для человека, который обнаружил женщину на скалах и ее разбитую машину.

Сразу в голове всплывают совершенно неуместные мысли о том, что мужик может быть каким-нибудь маньяком. А иначе как он оказался в этой глуши?

- Я уйду, - говорю ему. - И тогда у вас не будет никаких проблем.

- Считаешь, что их мне доставишь ты?

- Отпустите меня, пожалуйста.

Мужик тяжело вздыхает, а потом останавливается и ставит меня на ноги. Пару секунд удерживает за плечи и отпускает. Меня тут же резко ведет в сторону. Я пытаюсь поймать равновесие, но лодыжку так простреливает, что я вскрикиваю, и ноги подкашиваются. Мужик тут же оказывается рядом и снова подхватывает меня на руки.

Опускает голову и впивается в меня взглядом. Я не могу рассмотреть его лицо в уже практически полной темноте. Но нависающая надо мной грозная тень заставляет волоски на теле встать дыбом.

- Только что отпускал. Понравилось?

- Что вы собираетесь сделать со мной? - спрашиваю дрожащим голосом.

Только сейчас замечаю, как сильно я продрогла. Сколько я провалялась на камне? Машина слетела с обрыва, когда было еще светло. А сейчас уже почти ночь.

- Для начала отнести тебя домой, проверить, что с головой и переодеть тебя в сухую одежду.

- А потом?

- Ты всегда такая болтливая? - спрашивает недовольным тоном и продолжает идти.

- Если вас это так сильно раздражает, вы можете меня отпустить, и я уйду.

Он останавливается, и я вижу, что мы вышли к небольшому срубу, стоящему среди деревьев. В окнах нет света, а на пороге перед входом сидит тот самый черный устрашающий зверь.

- Опять отпустить? Ну ладно.

Он ставит меня на землю и тут же разворачивается, чтобы продолжить путь в дом.

Меня так сильно кидает из стороны в сторону, что я просто не могу удержаться на ногах и падаю на четвереньки.

Слышу шумное дыхание. Подняв голову, вижу, как на меня несется это чудовище - то ли собака, то ли волк.

Вскрикиваю и, упав на задницу, начинаю пятиться назад. Руки проскальзывают по мокрой земле, и я заваливаюсь на спину.

- Нет! - кричу, закрывая лицо руками. - Нет! Уберите!

Ужас сковывает внутренности так, что становится трудно дышать.

Сердце срывается в галоп и пытается проломить грудную клетку.

Зверюга зависает надо мной, тяжело дыша, а я с ужасом жду его нападения.

Не могу пошевелиться. Да что там? Я почти не дышу.

- Патрон, фу, - спокойно произносит мужик, и я слышу его тяжелые шаги. Дыхание собаки отдаляется. Я убираю предплечья с глаз и вижу нависающего надо мной мужика. Он присел на корточки и смотрит на меня. - Так что? Отпускаю и ты уходишь? Или все же заходим наконец в дом?

Какой у меня выбор?

Если он меня сейчас оставит тут, я не выживу. Даже врачом не надо быть, чтобы прийти к такому выводу. Мне и правда нужно переодеться в сухую, чистую одежду. Проверить голову. Отоспаться. В общем, надо выздоравливать. Вряд ли у меня есть хоть малейший шанс сделать это, лежа на земле под проливным ледяным дождем, который хлесткими каплями рассекает мою кожу. Так, по крайней мере, это ощущается.

- Заходим, - сдаюсь наконец.

Мужик снова подхватывает меня на руки, встает и заносит в свой домик.

Глава 5

Внутри тепло и приятно пахнет древесиной.

Мужик проходит дальше и усаживает меня на стул.

- Сначала переоденем тебя, потом положу. Диван тут только один, если намочишь, спать будет не на чем.

Он садит меня на стул, и я хватаюсь руками за деревянную сидушку. Мужик отходит и включает свет. Я прищуриваюсь. От света еще сильнее болят глаза и голова.

Снова уходит и возвращается с какими-то вещами, которые кладет на стол передо мной.

- Давай тебя переоденем.

- Я сама.

- Уверена? Ты же даже стоять на месте не можешь. Давай не выпендривайся. Что я, баб, что ли, голых не видел?

- А вы видели?

Наконец мой взгляд фокусируется на лице мужика.

Хотела бы я сказать, что он урод с рытвинами от постакне, как у Балоева, или со шрамом на все лицо. Но правда неприятно царапает меня.

Мужик красивый. Не выхолощенной красотой, вовсе нет. Грубой, чисто мужской, какой-то немного топорной красотой. От него, как говорила одна из моих пациенток на нашего медбрата, валит тестостероном за версту.

- Короче, сама или с моей помощью? - громыхает он.

Глаза у него темные. Карие. Похожие на ночь. И хочется узнать, что спрятано в глубинах этого темного омута.

О, это меня куда-то не туда заносит. Точно сильно головой приложилась.

- Помогите, - наконец признаю свое бессилие.

Мужик аккуратно снимает с меня медицинский костюм.

- Ты медсестра какая-то или что? - спрашивает, быстро стягивая с меня штаны.

- Врач. Хирург.

- Интересно, - на мгновение задерживается взглядом на моем лице. - Хирургов тут не бывает. Как оказалась тут?

- А вы?

Он снова смотрит в лицо, а потом молча продолжает стаскивать с меня мокрую одежду. Кроксы свои я растеряла еще при падении, один носок тоже куда-то подевался.

Когда костюм валяется мокрой кучей на полу, мужик задерживается взглядом на моем кружевном, насквозь промокшем бюстгальтере, через который, не напрягаясь, можно рассмотреть соски, от холода сжавшиеся в тугие горошины.

Сглатывает, заставляя меня напрячься, а потом расстегивает лифчик и, отбросив его на груду мокрой одежды, даже не удостаивает мою грудь своим вниманием. Я облегченно выдыхаю.

Трусики летят следом. И снова этот тяжелый взгляд, но теперь на моей промежности. Я плотнее сжимаю ноги, чтобы было видно по минимуму.

Кадык мужика снова дергается, и он берет со стола мужские боксеры.

- Другой одежды нет, так что давай, - грубовато произносит он, как будто я предъявляла какие-то претензии. - Все чистое.

Он быстро одевает меня в свои боксеры, футболку, в которой я тону, спортивные штаны, которые он на треть вынужден закатить, чтобы оттуда показались мои ноги. Натягивает вязаные носки и дополняет все это теплой толстовкой, пахнущей им.

В этот момент меня удивляет, что от этого дикаря не воняет потом. Наоборот, кофта пахнет свежестью и совсем немного мужским парфюмом. Да, легкий запах чужого тела присутствует, но не выедает глаза своей интенсивностью. Хотя мне ли в моем положении жаловаться?

Мужик поднимает меня на руки и усаживает с ногами на диван. Берет одеяло из овчины и заворачивает в него.

- По-хорошему тебе бы сейчас в баню, но она будет позже.

- Мне в баню пока нельзя, - возражаю. - У меня, кажется, сотрясение.

- Блевать тянет? - спрашивает, а я кривлюсь от его грубости.

- Немного подташнивает, но не настолько, чтобы…

- У тебя кровь на затылке. Дай посмотрю.

Он аккуратно наклоняет мою голову вперед, нависая надо мной, и я практически упираюсь лицом в его пах. Пытаюсь отшатнуться, но он возвращает меня на место.

- Кровища. Зашить надо, - говорит он.

- Дайте мне чем и два зеркала, я сама зашью. Я же врач.

Мужик вздыхает, потом приносит какую-то коробку и, подтянув табуретку, садится на нее.

- Давай зашью.

- Вы не так сделаете! - восклицаю и кривлюсь от головной боли. - Я врач, вы не слышали?

- Слышал, - просто отвечает он и ставит коробку на мои колени, а сам отходит. - Зеркал нет, если что. Ни одного.

- Как это?

- Повторить? - спрашивает, не оборачиваясь.

Он и правда огромный, я не ошиблась. В доме достаточно высокие потолки, но он, не напрягаясь, достанет их. Может, даже сможет упереться в них локтями, если встать на носочки.

Вздыхаю и щупаю свой затылок. Шиплю, натыкаясь пальцами на рану. Открытая. Трогать нельзя. Надо шить. Но как я сделаю это без зеркал? Наощупь я, конечно, могу, но еще и могу такого нашить, что потом надо будет резать и переделывать.

- А вы раны сшивать умеете? - спрашиваю.

- Доводилось, - отвечает мужик, бросая собаке кусок мяса.

Я уже и забыла про это чудовище. А оно оказалось вполне себе нормальным ротвейлером, но и этих я боюсь. Что говорить, если на меня наводят ужас безобидные чау-чау и лабрадоры?

Что ж, вариантов у меня нет.

- Зашейте, пожалуйста, мою рану. Только я… буду руководить процессом.

- Женщина? Руководить?

Мужик оборачивается и вопросительно приподнимает бровь. Проходит мимо меня, и я слышу откуда-то шум воды. Возвращается уже без куртки, в одной только черной футболке. Он вытирает руки на удивление чистым полотенцем и устраивается на табуретке напротив.

Я совсем невпопад отмечаю, какие огромные у него бицепсы, и как красиво они перекатываются, когда он переставляет коробку на свои колени.

- Ну давай, - произносит с вызовом. - Руководи.

С моими подсказками мужчина медленно, но уверенно шьет мою рану. Ему пришлось вырезать часть моих волос. Совсем маленький локон, но я держу его в руках и почему-то мне так горько от этого.

Думаю, меня накрывает совсем не от потери сотой доли своих волос, а от всего произошедшего.

- Готово, - произносит мужик и отстраняется. Я тянусь к повязке, чтобы потрогать ее, но мужчина аккуратно отводит мою руку. - Не трогай, руки грязные. Сейчас поешь, дам обезболивающее. Поспишь, и станет легче.

- Спасибо… как ваше имя?

- Начнем с тебя. - Я оборачиваюсь. Коробки на его коленях уже нет, и он уперся в них огромными ладонями. Смотрит на меня хмуро. - Кто ты такая? Имя?

Глава 6

Я пытаюсь быстро сообразить, что ему ответить, но голова так медленно соображает, что я даже не могу придумать ничего лучше, чем…

- Аиша, - называю имя своей матери. - Туристка. Отбилась от группы.

- Ну да, - хмыкает мужик. - На собственной машине высоко в горах. У вас тут автопробег на старых кончедрыгах? Так высоко забираются не те, кто сюда едет, а те, кто от чего-то бежит.

Он впивается в меня своими черными омутами, а я сглатываю.

- А от чего бежишь ты? - задаю ему встречный вопрос и вижу, как черты его лица заостряются.

Я не жду, что этот отшельник ответит. И он оправдывает мои ожидания. Молча разворачивается и уходит к кухонной зоне. Ну как зоне? Небольшой стол, на котором стоит маленькая одноконфорочная газовая печка, рядом с которой крохотная рабочая поверхность. Над столом нависает шкафчик с дверцами, а под столом - тумбочка.

Хозяин хижины наливает из ведра воду в чайник и ставит тот на огонь.

Пока он крутится там, выглядя словно медведь в посудной лавке, я осматриваю домик.

Здесь чисто и уютно. Вроде как холостяцкая берлога, но в то же время слишком опрятная для такого определения.

В камине весело потрескивают дрова, наполняя дом приятным запахом древесины и каким-то особенным теплом, которое не может дать ни городское отопление, ни любой искусственный камин.

Деревянный пол без единого покрытия, поэтому мужик ходит по нему в грубых зимних ботинках.

Рядом с кухонной зоной круглый обеденный стул с четырьмя стульями. Слева платяной шкаф и комод, на котором лежит только связка ключей. Диван, на котором сижу я, справа от него кресло, слева - невысокий журнальный столик. За креслом проход, а дальше книжный шкаф до потолка, забитый книгами. Слева от него обычная настенная вешалка с одеждой. Вот и вся обстановка.

Скудненько, но аккуратненько.

- Ты давно здесь живешь? - спрашиваю, глядя на спину мужика.

Он разворачивается с чашкой чая. Подходит ближе и ставит ее на столик, а рядом - блюдце с печеньем.

- Голова кружится? - задает вопрос мужик, игнорируя мой.

- Почти нет.

- Идем, покажу тебе, где помыться.

Он ставит передо мной кроксы такого размера, что мои ноги утопают. Потом помогает мне подняться. Ждет, пока я выпрямлюсь, и ведет в проход перед книжным шкафом. Там маленький коридорчик. Просто крохотный. Справа и прямо двери. Открывает ту, что справа, и отходит в сторону, пропуская меня.

- Воды горячей нет, как и нормального душа. - Я окидываю взглядом небольшую комнатушку. Здесь стоит унитаз, прямо маленький умывальник, а слева столик, на котором стоит таз. Чуть правее от него нечто, похожее на баллон. - Это… резервуар с водой, назовем его так, - мужик указывает на баллон. - Там теплая вода. Он держит ее как термос. Можно помыться. Сильно не разгуляешься, но мне хватает, а гостей я не ждал. В ведре, - он показывает на стоящее на столике слева ведро с водой, - холодная. Можно разбавить и хватит на подольше. Кроме мыла, ничего нет. Так что придется обойтись этим пока. Точно голова не кружится?

- Точно, - киваю.

Меня немного мутит, и голова еще слегка пульсирует, но помыться я точно смогу.

- Я выйду, чтобы оттащить обломки машины. Если почувствуешь себя плохо, сразу возвращайся на диван. Или остаться с тобой?

- Нет, иди, все будет нормально.

Пару секунд поколебавшись, мужик выходит, закрывая за собой дверь. Через несколько мгновений стучит и, приоткрыв, протягивает полотенце. Я благодарю и слышу тяжелые шаги за закрытой дверью.

Пока моюсь, чувствую, как меня покидают силы. Начинает трясти, да так сильно, что зуб на зуб не попадает. Беру с маленькой полочки пасту и пальцем чищу зубы. Смываю мыло с волос. Они скрипят, но я чувствую, как они задубели. Завтра не расчешу их. Если у этого дикаря, конечно, есть, чем расчесать.

Когда уже одеваюсь, меня трясет так сильно, что я едва могу попасть ногой в штанину.

Голова снова кружится, и зрение плывет.

Это плохо. Очень-очень плохо. Хоть бы добраться до дивана и не упасть тут. Приложиться головой о кафельный пол будет совсем нехорошо. Так я только усугублю свое состояние.

Наматываю полотенце на голову и по стеночке добираюсь до дивана.

В животе урчит при виде обычного овсяного печенья. Но меня тошнит, так что я ничего не смогу сейчас съесть.

Заворачиваюсь в одеяло из овчины и сижу так некоторое время, глядя на огонь в камине. Кладу голову на спинку дивана и медленно моргаю. Адски хочется спать, но я боюсь. Даже сама не знаю почему. Может, потому что я в отдаленной хижине какого-то мужика, имени которого я даже не знаю.

Сознание прорезает мысль о том, что он собрался спрятать обломки моей машины. Это ж сколько силищи в этом медведе?

Снова слышу гром, но он уже не пугает так сильно, как пугал, когда я была на улице. Сейчас, наоборот, это придает уюта, когда рядом со мной трещат поленья в камине, и мне так тепло, что я все же не удерживаюсь. Закрываю глаза и балансирую на грани сна и реальности. Слышу все происходящее вокруг, но вроде как и сплю в то же самое время.

Вздрагиваю, когда слышу, как открывается и закрывается дверь. Открываю глаза и с ужасом смотрю на то, как ко мне торопится мокрая псина. Испуганно подтягиваю ноги. Ротвейлер останавливается напротив и шумно дышит, рассматривая меня.

- Патрон, - хмуро зовет собаку хозяин дома. - Не бойся его. Пока ты не пытаешься напасть на меня или убить, он тебя не тронет.

- Это утешает, - выдаю хриплым голосом.

Хозяин подходит к обеденному столу. Бросает на него клеенку, а сверху - две заячьи туши.

- Ты не поела, - кивает на мою тарелку с печеньем.

- Аппетита нет. Подташнивает.

- Поспать тебе надо. Чай хоть выпей. Он на травах, должно полегчать. Давно ела?

- Гм… не помню.

- Значит, и поесть надо. Я дам тебе обезбол. Но сначала еда.

Мужик моет руки в тазике на кухне, а потом сбрасывает свою куртку. Уходит в ванную, прихватив с собой какие-то штаны. Возвращается уже без своих карго, только в черной футболке и спортивных штанах. Поверх футболки я вижу цепочку на его шее. Без медальонов и кулонов. Просто цепь. Она выглядит как нечто инородное в таких условиях.

Пока я пью чай и медленно жую печенье, хозяин дома ставит передо мной стакан воды и кладет пластину обезболивающих. Сам же начинает разделывать заячьи туши.

- Как тебя зовут? - спрашиваю, возвращая пустую чашку из-под чая на столик.

Мужик поднимает голову и смеряет меня нечитаемым взглядом.

- Максуд, - коротко отвечает он и возвращается к своему занятию.

Максуд… Красивое имя. Мужественное. Не знаю, что оно означает, но мужчине идет.

Выпив таблетку, снова прижимаюсь головой к спинке.

Постепенно пульсация в висках стихает, и я медленно моргаю, глядя на то, как Максуд продолжает ловко расправляться с тушами.

Когда я уже почти засыпаю, слышу его вопрос:

- Мирон прислал тебя?

- Кто? - спрашиваю вяло.

- Мирон, - повторяет Максуд это имя.

- Я такого не знаю.

Он хмыкает, но смотрит на меня как-то странно, а потом возвращается к своему занятию.

Глава 7

- Откуда ты, Аиша?

- Из столицы республики. Работала в больнице. В первой городской. Врач-хирург.

Максуд кивает, проворно освежовывая вторую тушку. Его собака сидит рядом со столом в ожидании, когда и ей перепадет кусок с хозяйского стола.

- Замужем? - новый вопрос.

- Давно уже в разводе.

- Нельзя нашим женщинам быть одним, - вдруг выдает он. - Защита нужна. Или есть защита? Семья? Отец? Братья?

- Нет никого, - качаю головой. - И защиты нет, - вздыхаю. - Но я сама способна себя защитить.

- И поэтому ты здесь? - спрашивает вроде как с усмешкой, но суровое выражение его лица не меняется.

- Как добраться до ближайшего города?

- Впереди только аулы. До ближайшего километров сто пятьдесят. До города в обратном направлении триста двадцать. Добраться можно на машине или пешком. Если, конечно, тебе повезет, и тебя не сожрут дикие животные. Как ты вообще забралась настолько высоко? - Он прошивает меня взглядом. - И не надо рассказывать мне про туристическую группу или о том, что ты решила побывать в горах. А то я могу подумать, что ты прямо с работы, в медицинской форме приехала сюда, поддавшись порыву. Так как оказалась?

- Я… - Пытаюсь решить, что сказать, чтобы было недалеко от правды, но не выкладывать все свои злоключения. - Мне пришлось срочно уехать. И я… в общем, собиралась в соседний город, но заблудилась и оказалась в горах. Ехала долго, после суток дежурства и двух сложных операций. А тут еще гроза началась. Машину занесло. Мне было безопаснее выпрыгнуть из нее, чем болтаться в этой консервной банке, слетая с обрыва.

- Ты в рубашке родилась. Шансы выжить после такого падения почти равны нулю. Но вот она ты. Как голова?

- Уже не болит, но очень тяжелая и немного кружится.

- Отлежаться надо. Отоспаться. Через пару дней должно быть в норме. Спи, Аиша.

Он включает тусклый свет над кухней, а большой выключает, щелкнув по нему локтем. Хижина погружается в полумрак, отчего становится еще уютнее.

Максуд возвращается к столу и продолжает разделывать туши.

Я ложусь на большую подушку, которая пахнет этим мужчиной. Впервые за долгое время этот аромат меня не отворачивает, а, наоборот, расслабляет. Дает какое-то чувство защищенности и осознание того, что я теперь не одна. И пусть это краткосрочное явление, и, возможно, уже завтра я уеду. Но мне хочется хотя бы ненадолго расслабиться, снять броню или хотя бы расстегнуть ее, чтобы дышалось легче.

Максуд был прав, когда сказал, что нашим женщинам нельзя жить в одиночестве. Это всегда чревато проблемами. Некому защитить и подставить плечо.

Наверное, поэтому большую часть своей жизни я пропадала в больнице. Только бы не сталкиваться с реальностью. Не ощущать своего одиночества. Не чувствовать беззащитности перед суровым, беспощадным миром мужчин.

Я могу работать и жить в столице республики, где светские законы работают наравне с нашими традициями. Но это не обеспечивает моей безопасности и автоматически не становится моим щитом.

- А как ты попал сюда? - спрашиваю Максуда сонным голосом.

- На машине приехал, - отвечает он сухо.

- Это понятно. Но почему ты живешь один? Ты не женат? А дети есть?

Максуд крепче сжимает челюсти и игнорирует мои вопросы.

Видимо, я задела какую-то больную тему, но он, конечно же, не поделится со мной сокровенным.

И не надо.

Завтра, как только станет легче, я попрошу его отвезти меня в ближайший городок. В маленьких затеряться несложно. Если, конечно, тебя не ищут.

Я назовусь другим именем. Скрою, что я врач. Устроюсь на работу какой-нибудь швеей. Шить-то я умею отменно. Давно не делала этого с одеждой. Я как-то чаще людей штопаю. Но, думаю, руки все помнят.

В общем, укроюсь в горах и буду ждать, пока Зубаир не подаст мне знак, что можно возвращаться в город.

В какой-то момент моего сна меня пронизывает мысль, что можно было поехать к Мураду Хамидову. Он тоже из этих криминальных кланов. Но я могла бы попросить его о помощи, и, возможно, он бы не отказал.

Да что уж теперь?

А, может, правда вернуться в столицу и поехать к Хамидову?

Засыпаю я тяжело. Долгое время балансирую на грани сна и реальности.

Мне хорошо и спокойно, когда я слышу тяжелое дыхание Патрона, возню Максуда на кухне, треск поленьев в камине. Правда впервые за много лет внутри нет вибрации, страха, напряжения и постоянной готовности защищаться.

Только вот рановато я расслабляюсь.

Наконец мне удается выключиться, а просыпаюсь я от того, что мне нечем дышать. Распахиваю глаза и понимаю, что Максуд держит меня за шею, впившись бешеным взглядом в мое лицо. Вцепляюсь в его предплечья, оставляя на них борозды от ногтей.

- Зачем Мирон прислал тебя? - рычит он. - Убить меня?! Отвечай!

Глава 8

- Я не знаю никакого Мирона! - выкрикиваю так громко, как только получается, учитывая, что отшельник перекрыл мне кислород практически полностью.

- Если я узнаю, что ты врешь мне, за секунду сверну твою тонкую шейку, - цедит он.

Мне становится так страшно, как не было даже в первые минуты, когда я увидела его.

Горло сковывает спазмом, а внутренности холодеют.

Он ведь и правда может свернуть мне шею. Ему это не будет стоить ни малейших усилий. Чуть придавить, хрясь - и я осяду на его диван безжизненной тушей. Он может потом даже освежевать меня так же, как кролика. Или скормить своей устрашающей псине. Та наверняка не побрезгует человечиной.

Богатое воображение подкидывает такие картинки, от которых внутренности скручивает в узел.

- Я не вру! Отпусти меня, - хриплю, чувствуя, что количества поступающего в меня кислорода становится критически мало. Еще немного, и закружится голова, потом перед глазами поплывут круги. - Пусти, - добавляю.

Он еще пару секунд пялится на меня так, словно предупреждает своим темным, мрачным взглядом. А потом наконец отпускает, и я оседаю на диван.

Смотрю на то, как Максуд отрывается от дивана и встает.

Хватаюсь за горло и кашляю, боясь даже моргать. Что, если я сейчас на мгновение закрою глаза, а открыть их мне уже не позволят?

Окидываю взглядом хижину. На полу постелен какой-то матрас, накрытый только клетчатым шерстяным пледом. Там же лежит маленькая диванная подушка. Похоже, на этом собрался спать хозяин дома.

Он сам отходит к кухне. Там чашкой зачерпывает из ведра воду и залпом осушает ее. Тыльной стороной ладони вытирает свою бороду, а потом идет на выход. Хватает свою куртку и останавливается. На меня не смотрит, но поворачивает голову так, что я вижу его профиль.

- Здесь тебе ничто не угрожает, - негромко говорит он. - Если, конечно, ты не соврала. Ложись спи. Тебе надо набираться сил.

Он выходит, а я ложусь на подушку. Аккуратно, чтобы не задеть повязку на голове. Переворачиваюсь на бок и смотрю на псину. Он развалился на своей лежанке и глазеет на меня, не моргая.

“Спи” - сказал Максуд.

Спи.

Как, блин?

Я теперь правда буду бояться моргнуть, чтобы случайно не оказаться мертвой и даже не заметить этого.

Максуда нет минут пять. Когда я слышу, как он трет свои ботинки о коврик перед дверью, закрываю глаза и притворяюсь спящей.

У меня гипервентиляция и тахикардия. Ни один человек, знающий, как выглядит спящий, ни за что бы не поверил, что я вижу сны.

Я дышу часто, хватая спасительный кислород. Наполняю им легкие и жду, когда он доберется до мозга, чтобы пульсация в ушах наконец стихла.

Но сердце… оно вряд ли так быстро успокоится.

Слышу, как Максуд заходит в дом. Он старается не шуметь, но как может быть тихим огромный медведь?

Передвигается по дому, а потом приближается к дивану. Я непроизвольно вздрагиваю, когда он касается моего плеча.

- Я вижу, что ты не спишь. Выпей еще одну таблетку обезболивающего, - говорит он слишком мягко для человека, который несколько минут назад чуть не удавил меня. - Аиша, давай. Наверняка голова опять разболелась. Поверь мне, я знаю, что это за травма.

- Я врач, - цежу резко. - И сама прекрасно знаю, что это за травма.

- Пей давай, - чуть грубее отзывается Максуд и, развернувшись, садится на матрас в метре от дивана. Сбрасывает свои ботинки и заваливается на матрас с тяжелым вздохом.

Он прав, конечно. Будь я в больнице, в меня бы заливали капельницы с лекарствами, физраствором, витаминами и обезболом. А еще сделали бы МРТ, чтобы установить, что нет серьезных повреждений.

Но я не в больнице, а в хижине какого-то дикаря где-то на вершине кавказских гор. И выбор у меня совсем невелик.

Выпиваю еще таблетку обезбола и ложусь на кровать.

Уснуть не могу. Пялюсь на огромного мужика, развалившегося на куцем матрасе. Он недолго бодрствует. Уже через пару минут его грудь начинает вздыматься медленнее и размереннее. Тело расслабляется.

Я бы с радостью сбежала отсюда. Только куда? И если даже идти по дороге до ближайшего города, есть риск нарваться на диких животных. Кто тут может водиться? Медведи, волки, какие-нибудь дикие представители семейства кошачьих. Да и обычных диких кабанов хватит, чтобы я не дошла до пункта назначения.

Тяжело вздыхаю, потому что у меня пока только один вариант выжить - остаться в этой хижине до полного выздоровления и молиться, чтобы ее хозяин не убил меня до того, как я отсюда выберусь. А еще лучше чтобы вывез меня в ближайший город.

Почти до самого утра я не сплю. Но по мере того, как усталость берет верх, и я отмечаю, что голова больше не болит, веки становятся все тяжелее, и я наконец засыпаю.

Просыпаюсь резко, как от удара.

- Прости, не хотел тебя разбудить, - говорит Максуд.

Я перевожу взгляд на дверь, возле которой он стоит… в одних спортивных штанах.

Мой рот сам приоткрывается, когда я вижу его торс.

Этот мужик реально огромный. Каждая мышца на своем месте. По нему можно изучать в институтах мышечный каркас, настолько все четко прорисовано. Причем, что интересно, они не надуты, как у анаболиковых качков, они именно прокачаны и доведены до совершенства тяжелым физическим трудом.

- Выпустил собаку погулять. Дверь сквозняком захлопнуло, - поясняет он.

Нормальным таким, обыденным тоном. Как будто ночью не пытался выдавить из меня жизнь.

Воспоминания пробуждают во мне злость. И страх. Но больше злость, которая уже клокочет в горле.

- Что это было ночью? - спрашиваю резким тоном.

Максуд подходит к обеденному столу, на котором стоит тарелка с кашей и чашка с напитком. Судя по разливающемуся в домике запаху, это кофе с какими-то специями. Садится за стол и бросает на меня взгляд.

- Во сне человек наиболее уязвим. У него не работает критическое мышление, так что обычно он выдает правду.

- И для этого надо было меня душить?! Я же и так сказала правду!

- Я должен был убедиться, - он коротко пожимает плечом. Я фыркаю, а Максуд начинает есть. - А теперь скажи мне, Аиша, свое настоящее имя.

Я сглатываю, глазея на него.

Но потом понимаю, что если он моя единственная защита, то выхода у меня нет. С ним и правда надо быть до конца честной.

- Диляра.

- Диляра, - он как будто катает мое имя на языке. В его исполнении выходит как-то рокочуще. - Ну, Диляра? Нам ждать непрошенных гостей в связи с твоим визитом?

Глава 9

Что будет, если я расскажу ему правду? Не могу же я начать доверять мужику, который меня душил. И который вот так запросто разделывает туши. Да, зайцев, но, уверена, он с такой же легкостью расправится и с человеком. Я вижу это в его глазах.

Взгляд человека, который видел смерть, меняется. Становится острым, пронзительным. С каждым разом, когда он сталкивается с неизбежным, что-то внутри его умирает, я знаю это не по наслышке.

Максуд смерть видел. И что-то подсказывает мне, что в некоторых случаях он даже сам был ее причиной.

И насколько после такой догадки я могу доверять ему?

Сглотнув, стараюсь сделать свой голос твердым и смотрю прямо в глаза отшельника.

- Нет, никого ждать не нужно. Я же сказала, что заблудилась.

Максуд прищуривается и смеряет меня таким взглядом, от которого волоски на теле встают дыбом. Ощущение такое, будто он читает мои мысли. Видит, что я вру. Чувствует это.

Легонько качает головой, а потом возвращается к своему завтраку.

- Если ты соврала, то должна понимать, что я могу быть не готов ко встрече гостей. И если они все же явятся, ты должна отдавать себе отчет, что ради спасения своей жизни я могу отдать тебя им. Потому что мне нет резона защищать женщину, которой не хватает смелости выдать правду.

Он резко поднимает взгляд, и мне кажется, будто я ощущаю его физически. Меня встряхивает, и я чувствую, как от страха немеет лицо.

Губы склеились. Во рту пересохло.

Я не стану рассказывать ему правду, потому что пока еще не понимаю, чем для меня обернется моя откровенность.

Максуд несколько секунд сверлит меня взглядом, а потом, словно разочаровавшись, смотрит на свою тарелку.

- Тебе надо умыться и позавтракать, чтобы выпить лекарства. Я положил там для тебя новую зубную щетку.

Он залпом допивает свой кофе, а потом встает и моет в тазике посуду, выполаскивает ее и, вытерев, убирает в шкафчик, а воду из таза выливает в туалет.

После того, как хозяин дома выходит на улицу, я аккуратно встаю и иду приводить себя в порядок. Поражаюсь тому, что унитаз Максуд тут установил, а нормальной мойки на кухне не сделал. Если туалет есть, значит, есть водопровод. В конце концов, как-то же вода в бачок набирается.

В кастрюле меня ждет овсянка. Рядом в тарелочке нарезанное на кубики яблоко, чернослив и орехи с семенами льна. Эстет чертов. В турке все еще горячий кофе. Положив кашу и налив кофе, открываю холодильник, достаю оттуда молоко и добавляю в напиток.

Завтрак проходит в полной тишине.

В этом доме даже нет часов, которые бы тикали, разбавляя тяжелую, гнетущую тишину.

Обвожу взглядом хижину свежим взглядом.

Здесь и правда уютно и тепло. Но очень по-спартански. Все условия есть, но для человека, для которого комфорт не на первом месте.

Позавтракав, выпиваю обезболивающее и еще одну таблетку антибиотика на всякий случай. Голова сегодня совсем не кружится, но все еще болит.

Подойдя к книжной полке, изучаю корешки. Вздрагиваю, когда в дом возвращается хозяин со своей псиной. Патрон сразу ломится ко мне. Я испуганно отступаю, чувствуя, как холодеют внутренности.

- Дай ему себя нормально обнюхать, и он отстанет, - даже не бросив на меня взгляд, громыхает Максуд. - Просто встань и постой спокойно.

С каждым шагом ротвейлера по телу пробегают новые и новые волны дрожи.

Ужас сковывает горло. Я поднимаю руки повыше и обнимаю себя за плечи. А потом просто зажмуриваюсь и позволяю собаке обнюхать меня. Он громко сопит, обходя меня по кругу и тычась носом то в ноги, то в бедра, то в живот.

А я молюсь Всевышнему, чтобы это чудовище не сожрало меня.

Несколько секунд я умираю ста смертями, после чего Патрон наконец отходит от меня.

- Он не тронет без приказа, - твердо заявляет Максуд.

- Или если я на тебя не нападу.

- Если нападешь, он среагирует мгновенно, так что лучше не пытайся. Бери любую книгу и возвращайся в постель. Тебе надо лежать. Ты же врач, сама должна понимать. Или врач - это отже легенда?

- Нет, врач - это профессия, которой я занимаюсь далеко не первый год.

- Правда хирург?

- Да. И я счастлива, что после падения мои пальцы выжили. Видимо, инстинктивно, в первую очередь, защищала руки.

Максуд скупо кивает.

- Я пройдусь по территории, а ты ложись давай. Патрон, за мной.

Отшельник забирает свою адскую псину, и они выходят из дома. Я же выдыхаю, беру первую попавшуюся книгу и возвращаюсь на диван.

“Таинственный остров”.

Не люблю приключенческие книги, но, оказавшись на диване, понимаю, как сильно устала, пока завтракала и убирала после себя на кухне, что встать теперь будет очень тяжело.

После нескольких страниц засыпаю, свернувшись калачиком. Под треск поленьев в камине, который, судя по всему, является единственным источником тепла в этом доме. Под завывание ветра, который наводит ужас, если ты на улице. Но если скрыт в тепле маленького деревянного домика, ветер даже добавляет уюта.

Просыпаюсь от негромкого стука на кухне. Медленно разлепляю веки и вижу Максуда, который нарезает овощи на большой деревянной доске. На нем неизменные брюки карго, а сверху черная футболка, обтягивающая рельефное тело. И видно, что выбирал он ее не с целью демонстрировать свои мышцы, просто покупалась она до того, как он превратился в каменное изваяние с четко высеченными мышцами.

Я долго наблюдаю за хозяином хижины, и от уютной, спокойной картинки снова засыпаю.

Глава 10

Несколько дней проходят примерно одинаково. Я сплю и читаю. Теперь уже больше читаю, чем сплю. Максуд регулярно уходит куда-то. Иногда возвращается с добычей. Иногда с пустыми руками.

Вчера он натопил небольшую баньку и ходил туда мыться. А вернулся в одном только полотенце на бедрах, и от зрелища я чуть не проглотила ложку, которой ела сваренный отшельником суп.

Мне казалось, что даже время замерло, давая мне возможность рассмотреть мощный торс.

Когда думала, что по нему можно изучать анатомию, не ошиблась.

Профессиональным взглядом я за секунду проследила изгиб каждой мышцы. Уловила, где скопилось напряжение и поняла, что мужчина забивает свои мышцы физической нагрузкой, но не дает им расслабляться и восстанавливаться.

А еще я заметила несколько шрамов на животе. Похоже, его пытались зарезать. А на спине три отверстия от пуль, которые уже затянулись, превратившись в твердые шрамы.

И вот сейчас перед глазами всплывает все, что я успела запомнить. Чувствую, как вспыхивает лицо, а взгляд зависает в пространстве.

Заметив мой интерес, стоящий возле шкафа Максуд на мгновение притормаживает.

В его взгляде вспыхивает что-то очень мужское. Такое, от чего внизу живота странным образом сжимается. Странным - потому что я чувствую не только легкое возбуждение, но оно смешано со страхом, смущением и каким-то тягучим, томительным чувством, которое я пока не могу распознать.

Взгляд Максуда тяжелеет, и мужчина скользит им к моим губам, потом ниже - на грудь, спрятанную под его необъятной футболкой. Соски под этим взглядом напрягаются, и я судорожно хватаю воздух приоткрытыми губами.

Такое ощущение, что это мгновение длится всего секунду, но в то же время вечность, которой хватает, чтобы по коже побежали мурашки.

Все заканчивается так же внезапно, как и началось.

Хозяин дома отворачивается и берет из шкафа вещи. Но могу покляться, что я видела, как приподнялось его полотенце.

Совсем уже крыша съехала.

Опустив голову, сосредотачиваюсь на супе. Но мысли теперь совсем далеки от еды.

Когда у меня в последний раз был секс?

Года два, наверное, прошло. Я уже и забыла, как это ощущается. Да что там, я даже забыла, как ощущается возбуждение. И именно сейчас надо было вспомнить, да? Когда рядом со мной здоровенный пугающий незнакомец, который смотрит на меня как на кусок мяса.

Ох, давно мужчины смотрели на меня раздевающим взглядом.

В нашей культуре это не просто не принято, это категорически запрещено. И все мужчины, воспитанные в ней, стараются вообще не смотреть или делать это скрытно. Последний раз на меня так смотрел мужчина, с которым я встречалась. У нас вроде как были серьезные отношения, но потом я поняла, что он тоже не станет мириться с моим постоянным отсутствием.

Тогда я подумала, что, наверное, мне лучше будет одной.

А теперь вот осознаю, что мужчины мне не хватало. По крайней мере, для удовлетворения базовых нужд.

Но им точно не станет Максуд. Вот выберусь из этой глуши и снова возьмусь налаживать личную жизнь. Может, пересмотрю приоритеты и даже поставлю на первое место семью. К

тому же, я бы хотела родить хотя бы одного ребенка. Испытать радость материнства, почувствовать любовь к своей кровиночке.

Переодевшись в ванной, Максуд возвращается в своей привычной одежде. Такие же штаны, как обычно, только на этот раз черного цвета. Как и футболка. Эта немного посвободнее, но я уже видела его мощную грудную клетку и кубики на животе, так что теперь эту картинку из памяти не стереть, даже если отшельник наденет одну из своих безразмерных толстовок.

- Спасибо за суп, - произношу, вставая.

На хозяина дома не смотрю, иначе сгорю от стыда. А молчать у меня больше нет сил. Я должна разрушить неловкость, вызванную нашими неприличными взглядами друг на друга.

- Пожалуйста, - отвечает хозяин дома. - Как ты себя чувствуешь?

- Уже полегче. Я бы хотела выйти на улицу подышать воздухом.

- Выходи. Только будь возле дома. Одна не уходи далеко. Можешь взять мои вторые ботинки и куртку в шкафу. Она полегче той, которую ношу я.

Кивнув, мою за собой посуду, а потом завариваю себе чай и, одевшись, выхожу на улицу.

Здесь зима уже вовсю разгулялась. Прошлой ночью была метель. Она завывала, деревья стонали, сгибаясь под порывами ветра. Здесь его почти не бывает, но если появляется, то колючий и ледяной.

На улице уже смеркается, и воздух окрашивается в сероватый. Я смотрю по сторонам на дикую, суровую природу. Она манит и пугает одновременно. Но это место великолепно. Склон горы, бурлящая речка, вокруг деревья, скалы, кусты. Сейчас уже почти не видно травы, которую с каждым днем все больше заносит снегом. Его пока совсем немного, но под конец года, уверена, все будет покрыто белым покрывалом.

- Давай проверим твою повязку, - спустя минут сорок из дома выглядывает Максуд.

Я киваю и возвращаюсь внутрь. Сейчас тепло от камина и уют, созданный хозяином этого дома, ощущаются особенно остро. Но не так остро, как прикосновение Максуда к моим волосам, когда он расплетает косу, чтобы добраться до моей раны.

Он медленно распутывает волосы, которые не видели кондиционера уже несколько дней. Плавно, аккуратно перебирает каждую прядь, а по моему затылку несутся мурашки. Совершенно неуместные и непрошенные! И ведь до сегодня их не было. Я просто спокойно сидела и ждала, пока отшельник закончит с перевязкой.

А сегодня я покрываюсь этими чертовыми мурашками и чувствую, что сердце начинает колотиться быстрее.

Раздвинув волосы в разные стороны, Максуд аккуратно снимает повязку.

- Уже практически затянулось. Сейчас обработаем и снова заклеим, но, думаю, через парочку дней повязку можно будет снимать.

Я лишь молча киваю, потому что не могу выдавить из себя ни звука. Боюсь, что единственным, который из меня вылетит, будет стон. Позорище!

Максуд обрабатывает рану. Я шиплю, когда он случайно жестче прикладывает ватный диск, и… Максуд дует на воспаленную кожу, а я перестаю дышать.

Глава 11

Максуд тоже замирает. Мне кажется, я даже могу чувствовать, как каменеют его мышцы.

Сглатываю. Веки тяжелеют, а сердце разгоняется еще сильнее.

Такое ощущение, что ни один секс в моей жизни не чувствовался так интимно, как то, что происходит сейчас.

Простая перевязка!

Медицинская процедура, Диляра!

Как можно относиться к этому как к чему-то интимному?

Все очень просто. Действия отлажены. Навыки отточены. Занимает пару минут, не больше.

Но мы продолжаем сидеть в тишине, которую разывает только громкий зевок Патрона. И даже он не ослабляет напряжения, которое искрит между мной и его хозяином.

- Уже не болит, - выдаю срывающимся шепотом.

Чувствую, как Максуд придвигается ближе. Его горячее дыхание в основании моей шеи. Обдает им, словно дракон пышет жаром на мою обнаженную кожу.

Шумно втягивает воздух, заставляя меня содрогаться.

Затылок покрывается мурашками и, уверена, от такого внимательного человека, как Максуд, не укрывается реакция моего тела.

Еще пара долгих, томительных секунд, и отшельник отстраняется, после чего проворно заканчивает процедуру. Встав, резко срывает с крючка свою куртку и выходит на улицу, закрыв дверь резче, чем требовалось.

Я хлопаю ресницами, глядя на деревянное полотно, за которым скрылся Максуд. И делаю первый вдох после того, как затаила дыхание во время перевязки.

Патрон тихонько поскуливает, и это вырывает меня из странной дымки, которая заволокла здравый рассудок.

Что это вообще было?

С шумным выдохом я подаюсь вперед и утыкаюсь лбом в свою подушку. Зажмуриваюсь и пытаюсь успокоить сбитое дыхание. А еще потушить пожар во всем теле. Если несколько дней назад я лишь чувствовала тепло внизу живота, то теперь горю вся. И это очень… очень-очень плохо.

Надо уходить отсюда. Только вот куда? Как я доберусь до ближайшего поселения?

Надо бы поскорее принять решение и действовать. Когда зима окончательно разгуляется, я и пяти километров не пройду. И это с моей-то выносливостью!

Слышу шаги Максуда возле домика, и резко выпрямляюсь. Начинаю быстро складывать лекарства в коробку. Он заходит в тот момент, когда я плету косу.

Бросает на меня взгляд и уже хочет отвести, но цепляется им на пару секунд, а потом все же отворачивается.

- Надо пройтись, - произносит своим глубоким, грудным голосом. Максуд приносит с собой запах свежести и сигарет. Курит он не часто, но случается. - Патрона я заберу с собой.

- Можно с вами? - спрашиваю, сама не понимая, зачем мне это.

- Нет, - отрезает он, пару секунд медлит, а потом смягчает тон. - У тебя нет подходящей одежды и обуви. Ты замерзнешь и можешь травмироваться. Я не только по земле хожу, но и по скалам поднимаюсь-спускаюсь. В неподходящей обуви ты можешь подвернуть или сломать ногу. Или того хуже, сорваться и разбиться. Так что оставайся дома. Можешь приготовить что-то на ужин. Я скоро вернусь.

- Ладно, - киваю и смотрю на то, как он собирается.

На футболку Максуд надевает теплый лонгслив, сверху - куртку. Завязывает шнурки на ботинках, надевает шапку и перчатки. Коротко присвистывает, и Патрон вскакивает со своей лежанки.

- Запри дверь, - командует Максуд. - Сегодня я сделаю долгий обход, который не делал несколько дней. У меня есть ключ, так что сам открою. А если… пожалуют непрошенные гости, спрячься в чулан. Он в том же коридоре, что и ванная, только дверь прямо. На улицу не выходи.

- Твои инструкции… немного пугают.

- Если ты была со мной честна, бояться нечего, - отрезает он, и мы оба знаем, что Максуд давно догадался, что я соврала по поводу того, как попала сюда.

Он выходит, а я щелкаю замком. Прижимаюсь спиной к двери и прикрываю глаза.

Максуд представляется мне огромным хищником. Но не медведем, совсем нет. Он больше похож на крупного представителя семейства кошачьих.

Подбирается на мягких лапах, слишком проницателен из-за своих инстинктов. Мне кажется, он безошибочно может определить, кто охотник, а кто жертва. И охотник в нашем случае точно не я.

Так, может, имеет смысл сдаться ему на милость и не испытывать его терпение? Кто знает, как он поведет себя, если сюда заявится Балоев?

И с чего я вообще взяла, что тот урод будет меня искать? Слишком много чести для фигуры такого масштаба. Если бы он хотел убить меня, убил бы еще в моем кабинете, и никто бы ничего ему не сделал.

Как вспоминаю его гнусное требование стать его подстилкой, так меня прямо передергивает.

А что, если действительно довериться Максуду? Он же правда может защитить меня. Наверняка у такого мужчины, как он, найдутся возможности.

Принявшись за ужин, я немного отвлекаюсь от гнетущих мыслей. Правда, при каждом стуке или скрипе за окном, вздрагиваю, и тело покрывает тонкий слой липкого, холодного пота.

Я не из пугливых. Как раз я из прагматиков. И понимаю, что рано или поздно все мы окажемся в могиле. Ну, кто в могиле, а кто, как я, завещал себя науке. Но все же.

Смерти я не боюсь. Наверное, больше меня страшит то, что могут сделать со мной при жизни такие уроды, как Балоев.

Закончив с готовкой, заворачиваю кастрюлю с жарким в полотенце, а сама сажусь на диван. Впервые мне хочется поесть за одним столом с Максудом. Это новое для меня чувство, и оно заставляет волноваться. Надо отвлечься на что-то привычное.

Беру маленькую коробочку со швейными принадлежностями, из холодильника достаю помидор и аккуратно надрезаю, в паре мест отделив кожицу от мякоти. Вставляю нить в игольное ушко и, сев за столом, начинаю медленно сшивать, сосредотачиваясь на каждом стежке. Я могла бы делать это с закрытыми глазами, но специально растягиваю удовольствие, потому что меня успокаивают привычные действия.

Час спустя, когда я уже сижу за книгой, в дом заходит Максуд. Правда, когда он громыхал своими ботинками по порогу, мое сердце чуть не улетело в пропасть.

Первым с радостной мордой в дом забегает Патрон. Он подскакивает к своей миске с водой и начинает шумно пить. Вторым заходит Максуд. Как всегда, мрачный и сосредоточенный.

- Все спокойно? - спрашиваю, когда он снимает куртку.

- Пока да, - отвечает и уходит мыть руки.

Я уже на кухне, разворачиваю кастрюлю со своей стряпней.

- Я тут жаркое приготовила.

Максуд останавливается возле стола и, нахмурившись, рассматривает филигранно заштопанный помидор.

- Ой, это я…

- Тренировалась, я понял. И как руки?

- Помнят, - отвечаю коротко.

- Завтра я буду ехать в город. Могу отвезти тебя.

Я замираю с большой ложкой, которую занесла над кастрюлей, и медленно поворачиваюсь лицом к Максуду.

- В смысле, отвезти и оставить?

- Да. У тебя только ночь на то, чтобы решить, остаешься ты или уезжаешь.

Глава 12

Максуд не требует ответа. Он вообще редко требует отвечать на его слова, если они прозвучали не в вопросительной форме. Как будто каждый раз дает время на размышление над тем, что он сказал.

“У тебя только ночь на то, чтобы решить, остаешься ты или уезжаешь”.

Еще несколько часов назад я бы с вечера сидела готовая выезжать.

А теперь, когда Максуд лег спать, погасив свет во всем доме, я лежу на диване и смотрю на то, как на потолке танцуют тени от горящего камина.

Меня не просто терзают сомнения, нет. Они разрывают меня на части.

С одной стороны, я, конечно, хочу вернуться в цивилизацию. Все же там больше возможностей укрыться.

Опять же, как Зубаир сообщит мне о том, что можно возвращаться, если со мной никакой связи в этой глуши?

С другой стороны, у меня никого нет. Только знакомые и коллеги. Ни одного близкого человека, который стал бы рисковать собой, чтобы помочь мне спастись от Балоева. Нет таких самоубийц.

В полицию я по понятным причинам не пойду. Уверена, у Балоева там такие связи, что меня перевяжут красным бантом и с полицейским кортежем и мигалками торжественно доставят прямо домой к этому уроду.

Повернув голову, смотрю на Максуда.

Единственный человек во всем мире, который может меня защитить. Если, конечно, он не какой-нибудь друг Балоева. Учитывая то, что у него в руках обычно совсем не охотничье ружье. Даже я - человек, далекий от оружия, - понимаю, что на ствол этой штуковины прикручен оптический прицел.

Кто же ты, Максуд?

И почему живешь один в глуши кавказских гор?

Не эти вопросы должны меня сейчас волновать. Не судьба здоровенного мужчины, мирно сопящего на тонком матрасе, лежащем на полу. А вопрос моего выживания.

Ненавижу, когда приходится делать подобный выбор. Когда он основывается только на том, чтобы выбрать одно из двух зол. А еще больше терпеть не могу, когда оба эти зла для меня неведомы, и мне приходится тыкаться, как слепому котенку, полагаясь на милость провидения.

В итоге у меня два простых, на первый взгляд, варианта: уехать или остаться.

И пока второй вариант кажется самым адекватным, потому что, хоть я и не знаю еще Максуда, но почему-то уверена, что он сможет меня защитить. При этом я стараюсь не думать о том, что сама побаиваюсь этого мужчину. А еще откинуть мысли о том, что все чаще стала думать о нем не как о незнакомце, а как… да, о мужчине. В смысле, о том, с кем я могла бы…

Я забываюсь тревожным сном, а просыпаюсь от того, что Патрон порыкивает. Потом он подскакивает с места и стучит когтями по полу, торопясь к окну. Встает на задние лапы, упершись передними в деревянный подоконник, и негромко рычит.

Максуд уже на ногах. Быстро натягивает ботинки, куртку. Хватает свое ружье и выглядывает во второе окно.

- У нас гости, - тихо говорит он, и мое сердце заходится.

Вскакиваю с дивана и прямо босиком по холодному полу тороплюсь к отшельнику. Он тут же хватает меня за талию и отодвигает себе за спину. Я аккуратно выглядываю, и в этот момент окна освещает свет фар. На поляне перед домом останавливаются три джипа и светят прямо в окна.

- Интересно, - тихо произносит Максуд. - Не хочешь рассказать, кто это к нам пожаловал?

Он отходит в сторону и тянет меня за собой. Берет за плечо стальной хваткой, а я чувствую, как сердце подскакивает к горлу, перекрывая доступ кислорода.

- Быстро, Диляра, - рычит Максуд. - Как ты здесь оказалась? У тебя несколько секунд на короткий рассказ. И ты должна быть убедительна, чтобы я тебе поверил.

Его голос звенит сталью. Он напряженный, и от этого кажется еще более низким и грубым.

- На моем операционном столе умер бандит, - тараторю я. - Он оказался другом Балоева. Есть у нас такой…

- Дальше, - перебивает меня Максуд.

Мы слышим, как хлопают дверцы джипов. Я вздрагиваю от этих звуков, хотя они приглушены из-за того, что мы находимся в доме за закрытой дверью.

- Он захотел, чтобы я… забрать меня в качестве… не знаю, своей рабыни. Сказал, я буду расплачиваться за смерть его друга. Я побежала к патологоанатому. К другу. Он помог сбежать. Я ехала…

- Достаточно, - прерывает он меня. - А теперь быстро принимай решение. Если ты остаешься, то автоматически признаешь себя моей женщиной. Делаешь все, что я скажу. Выполняешь все функции моей женщины. В противном случае мне нет резона защищать тебя.

- Ты будешь защищать только если я буду спать с тобой? - выдыхаю, не веря в то, что слышу.

Сияющие доспехи моего рыцаря со звоном крошатся, обнажая подлую натуру мужчины, стоящего передо мной.

Кому ты врешь, Диляра?

Если бы эти уроды сюда не заявились, ты бы рано или поздно переспала с Максудом. И скорее рано, чем поздно. Потому что сексуальное напряжение между нами можно спокойно резать ножом.

И как бы я сейчас ни хорохорилась, демонстрируя оскорбленную гордость, выбор у меня был невелик. И лучше уж спать с мужчиной, который привлекает сексуально, чем отдаться в руки урода, который явно не станет со мной нежничать.

На принятие решения оставалось не больше пары секунд. Они стремительно истекали, потому что я понимала, визитеры не станут ждать возле машины, пока мы выйдем встречать их с распростертыми объятиями.

- Я остаюсь с тобой, - наконец выдаю ответ и чувствую, как на мгновение пальцы Максуда на моем плече сжимаются, а потом отпускают, и мне вдруг становится очень холодно. - Ты защитишь меня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.